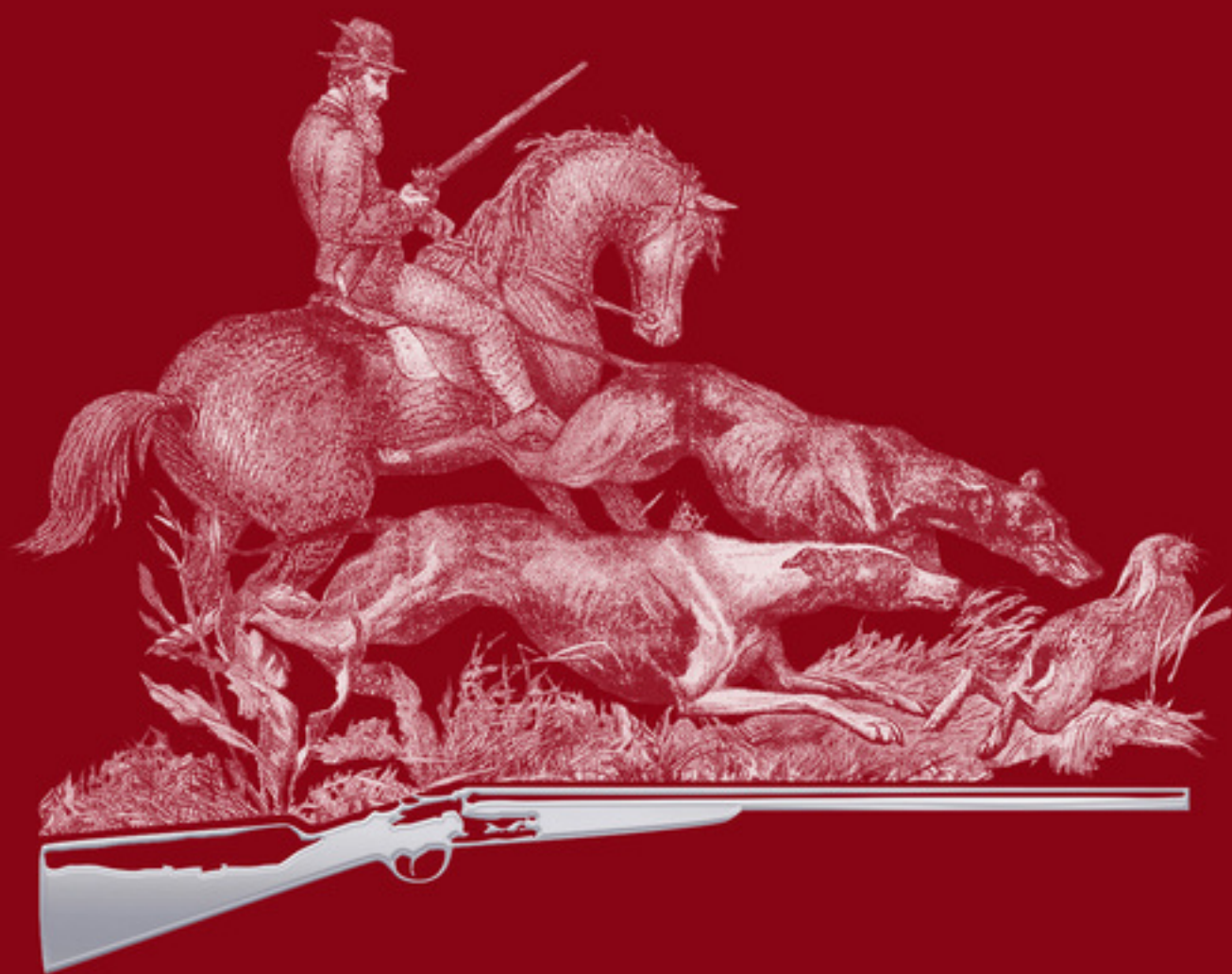

ОХОТА

Страсти человеческие

Сборник

Охота

«Спорт»

2016

ББК 47.2

Сборник

Охота / Сборник — «Спорт», 2016 — (Страсти человеческие)

ISBN 978-5-906131-83-6

Русские писатели – об охоте.

ББК 47.2

ISBN 978-5-906131-83-6

© Сборник, 2016
© Спорт, 2016

Содержание

Егор Дриянский	6
Записки мелкотравчатого. Отрывок	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Охота Сборник

Серия
«СТРАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ»

Руководители проекта
Валерий ШТЕЙНБАХ, Юлия ШАМШАДИНОВА

Оформление
Филипп БАРБЫШЕВ

В книге использованы репродукции картин и рисунков русских и зарубежных художников XIX – начала XX века.

Егор Дриянский

Записки мелкотравчатого. Отрывок

I

Отъезд. – Проказы лешего. – Удачное salto mortale. – Картина ночлега охотников. – Бацов и Петрунчик. – Мелкотравчатые. – Котловина. – Гоньба. – Волк и Чаус. – Клинское. – Обед. – Савелий и Красотка.

«С волками жить – по-волчьи выть», – говорит пословица. Все пословицы я уважаю за тот широкий смысл, который лежит в их основании, а значение последней как нельзя лучше оправдалось на мне самом.

Жил я долго в таком благодатном месте, куда с каждой весной прилетало множество дичи, в просторных полях водилась пропасть зайцев, а в болотах и заводях выплаживался выводками красный зверь. Все соседи мои, за редким исключением, были страстные охотники: глядя на них, и я завел своры две борзых и мало-помалу научился выть по-волчьи, следить заячью тропу по пороше и с первой сметки отличать в жирах след на логово, добыть лису по нарыску и прочее, и прочее. Одним словом, в короткое время я, как говорится в комедии, «дошел до степеней известных», или же, как выражались старые сутяги, стал «в роде своем не последний».

Как все это сделалось и какими судьбами я превратился из простого смертного в образ мелкотравчатого, разъяснить того не умею. Рассуждая о том иногда сам с собой, я припоминаю те впечатления, которые сопровождали меня в начале моего поприща, и, чтобы не забыть их совсем, записываю в том виде, как представляет их еще не изменившая мне память.

Однажды, сидя в просторном зале за обеденным столом у графа Атукаева, в кругу двадцати человек общих соседей – псовых охотников, я, как страстный ружейник, заспорил горячо о преимуществах ружейника перед борзятником. Двадцать голосов самой жаркой оппозиции не в силах были поколебать моих в том убеждений. Спор, доходивший подчас до неистовых

возгласов и стукотни кулаком по столу, кончился далеко за полночь, уже во время ужина; кончили тем, что я дал слово хозяину отправиться с ним на всю осень в отъезд и присутствовать там в качестве наблюдателя.

Срок для съезда в условленном месте был не за горами, а потому, дождавшись назначенного дня и уложив свой дорожный скарб в тележку, я тронулся в путь.

До места первого ночлега нашего, под открытым небом, следовало проехать верст тридцать. Времени в запасе у меня было много, а потому, не рискуя опоздать, я завернул по пути к одному из помещиков на чашку чая, и вместо того, чтоб пробыть у него, как намеревался, не больше часа, волею-неволею я должен был разыграть пульку и досидел до десяти часов вечера. Взглянув на часы, я заторопился и, не внимая никаким убеждениям, решился ехать. Мы распрощались.

Два человека, держа каждый по свечке в руке, открывали мне путь по крутой и высокой лестнице; добравшись кое-как до последней ступеньки, я невольно ахнул: отворенная настежь дверь нарисовала моему, вдруг притупевшему, зрению картину самого темного, мокрого и холодного погребца. На вершок от носа, кроме мрака, пахнувшего мне в лицо чем-то неприятливым, ничего не было видно. Одну свечу задуло тотчас. Наконец, посредством другой, выставленной напоказ ветру, в вытаращенных глазах моих мелькнуло на мгновение пол-обода переднего колеса и половина хвоста левой пристяжной. Остальное пожирал мрак.

– Игнатка, ты тут? – спросил я, двинувшись шаг вперед и махая руками по воздуху.

– Здесь! – отвечал Игнатка, и по звуку этого длинного и сухого «здесь» я тотчас смекнул, что лицо Игнатки было живая копия с темноты и погоды.

– Как же? Десять верст – не близко. Как мы доедем?

– Авось... выедем... аглядимси...

Я отыскал ощупью кузов тележки; большая капля дождя упала мне на нос; пристяжная встрепенулась и загремела бляхами; свечка погасла. Я сел.

Выехав со двора, нужно было повернуть тотчас направо и спускаться по излучистому пригорку, окаймленному с одной стороны садовым тыном, а с другой – отвесною водомоиною, которая, расширяясь постепенно, – спускалась вместе с этим узким проездом к плотине, пересекавшей большой пруд. Эта дорога и днем, как то известно и памятно было всем и каждому, считалась не из лучших. Дело вначале пошло у нас очень степенно, хотя по частому трясению головы коренного битюга я нехотя уразумел, что он, видимо, терял охоту к солидному отправлению своей должности.

Наконец он заблагорассудил пуститься рысцой: схватясь обеими руками за грядки тележки, я не успел еще порядочно одуматься, как одна из пристяжных вдруг скрылась из глаз; раздалось громогласное: «Тпррру!» Пара остановилась. Игнатка, кряхтя, охая и причитывая что-то, полез с козел. По поверке оказалось, что она попала в яму, из которой мужики роют глину. Употребя около получаса на устройство оборванного валька и упряжи, мы, наконец, благополучно очутились на другом конце плотины.

– Не вернуться ли, Игнатка? Судя по началу, нам не скоро добраться до места!

– Авось, теперь как-нибудь... Штоп им тут, окаянные... дуй вас горой!.. Середь ездку глину роют... И барин-то у них, согрешил грешный... Право, ну! Эхма!.. Доехать бы...

Все это причитывание сопровождалось приличным количеством эхов, вздохов и побрякиваний, пока Игнатка усаживался и подбирал вожжи; наконец послышалось одно из невыразимых междометий и последующее затем: «Э-з-бо-гом!», и лошади побежали рысью.

Прить эта, однако же, продолжалась недолго; по судорожному встряхиванью и нисколько не усладительной качке экипажа неминуемо следовало прилепиться к довольно основательной мысли, что мы прогуливаемся вовсе не по дороге; после изрядного толчка следовало неизбежное: «Тпрру!» и немедленное отправление Игнатки для отыскания более эластичного пути.

Оставшись один, я от безделья начал приспособлять свое тупое зрение к сказанному Игнаткой «аглядимси». Успех был так велик, что я увидел дугу; лошади ступевывались с грунтом. Минут двадцать прошло в частых переключках; из причитываний, какими они сопровождались, я вывел заключение, что мы, «без сумления», обойдены лешим.

На горизонте мгновенно блеснула и погасла искорка огня и заронила в мою голову частицу светлого соображения.

«Если этот блеск из кабинета, – думал я, – то наш путь лежит налево; если же из передней, то следует круто повернуть назад».

– Барин, а барин! Мы не туда едем, – сказал Игнатка, подойдя ко мне на голос.

– Верю, мой милый! И даже верю, что мы теперь вовсе никуда не едем, а преспокойно стоим на месте.

– Как же быть-то?

На этот раз глагол «быть» терял свою вспомогательную силу.

– Надо найти дорогу и ехать по ней, – отвечал я после короткого раздумья.

– Вон там, влево, дорога есть, да, видно, не наша.

– Коли есть, так она и наша.

Вздыхая и причитывая, Игнатка вел коренную под уздцы; саженой двести продолжалась качка, наконец колеса покатались плавно; стало заметно, что мы переменили направление: мелкий, сыпучий дождик увлаживал мой правый бок. С помощью «аглядимси» я предался наслаждению созерцать Игнатку; в непрерывном поклонении дороге, то направо, то налево, часа два времени протекло незаметно; лошади несколько раз порывались бежать рысью, но междометия Игнатки и вожжи мешали их усердию; наконец раздалось новое: «Тпррру!» – и коренная уперлась в межевой столб. По тщательном осмотре оказалось, что мы стоим на распутье трех дорог. Не желая получить вместо одного три вопроса вдруг, я обратился первый к Игнатке:

– Как думаешь, где мы?

– Иде это мы? Атцы мои!.. Ах, дуй те горой!.. Куда ж теперь? – было ответом.

Вскоре Игнатка снова затянул: «Э-з-богом!» – и лошади пустились трусцой по неизвестному всем нам пути.

Дождик начал переставать: я накрыл голову мокрым воротником шинели, решаясь ни о чем не думать, но час времени прошел по пустому. Стало скучно.

– Игнатка, спой что-нибудь! Ты-таки мастер.

– Эх, сударь, грех-то какой! И где водится, чтоб в ефтакіе разы кто стал песни петь. Ну, неравен случай, как с дядей Никифором... Ну, как не приведи... да вот... с нами крестная сила!.. – Игнатка поспешно начал креститься.

Впереди нас, казалось недалеко, вдруг заблестало несколько отдельных огоньков, все они как будто были в движении, некоторые из них светились очень ярко и отбрасывали искры, другие были слабее, но перед ними двигались какие-то неясственные фигуры и тени. Полагая, что эта перестановка происходила от движения нашего экипажа, я велел остановиться, но сумятица все-таки продолжалась, всего же страннее было видеть то, как один из этих огоньков вдруг исчезал, и на месте его появлялся другой, гораздо ярче и пламеннее, и вслед за тем снова начиналось передвижение.

– Э-ва! Расплясались! Что ж, сударь, куда теперь ехать прикажете?

– Ступай прямо на освещение.

Вместо должного исполнения Игнатка обернулся и посмотрел мне в глаза.

– Говорят тебе: ступай!

– Барин, а барин! Неужто вы занапрасно хотите душу губить?

– Дурак, где есть огонь, там, наверное, если не тепло, то сухо. Пошел прямо!

Вздыхнув глубоко, Игнатка повиновался. Несмотря на близость освещения, мы ехали очень долго, то спускаясь в лощины, то поднимаясь на бугры, по мере приближения нашего к этому освещению, оно слабело и погасало; не желая потерять из вида и последнего из этих светочей, я велел свернуть с дороги и ехать прямо; после мучительного переезда по пашне мы выбрались на луговину и очутились у опушки леса. Пропутав довольно долго между порубей и кочек, мы снова попали на дорогу, которая повела нас вдоль опушки. Рассчитывая по месту и времени, я был вполне уверен, что мы находились вблизи виденного нами огня: в воздухе был слышен запах дыма и копоти, и сквозь густую кущу дерев блеснула синеватая искорка угасавшего огня; но в ту минуту, как я намеревался остановиться для освидетельствования этой надежды на просушку, сонная чаща, казалось, пробудилась. В одно мгновение послышался звон железа, шум, треск, лай и рев огромной стаи псов, и вместе с тем вся эта орава, казалось, со всею кущею берез, дубов и осин, рушилась прямо на нас. Более я ничего не взвидел, потому что в это время раздался неистовый крик Игнатки, и лошади во всю прыть помчали нас снова на кочковатый луг. Уцепившись крепко за тележку, я несся как стрела; кувыркаясь со стороны на сторону, бросая вожжи и закрыв лицо руками, Игнатка при каждом толчке прыгал передо мною, как эластический мяч. Раздался один из самых сокрушительных ударов о пень, тележка крякнула, Игнатка прыгнул выше обыкновенного, и в то же мгновение вместо его заплясала передо мною дуга. Склонившись набок, я промчался еще несколько сажень вперед. Наконец последовал отчаянный скачок вниз, дуга скрылась, подо мной что-то грохнуло, блеснуло, я щелкнул зубами и очутился верхом на пристяжной. «Аглядемшись», я увидел сверху целую стаю собак: все они, казалось, не решались приблизиться ко мне по причине крутого спуска. Вскоре послышалось хлопанье арапников, и какие-то сиповатые голоса кричали: «Атрыш! К нему! В стаю!» Вслед за тем между собаками появились две длинноватые тени, вроде человеческих.

По пересылке изрядного количества вопросных пунктов, сверху вниз и снизу вверх, две тени тотчас превратились в Сергея и Ваську, двух смиренных выжлятников {помощники ловчего} графа Атукаева.

Вскоре я вышел на сушу и с помощью выжлятников и прибывших на голос их двух псарей прежде всего пустился в розыски. Все оклики и призывы наши оставались без ответа. Вскоре, однако же, мы увидели среди луга четырех гончих, которые что-то обнюхивали. Мы пошли туда. Поместясь между двух мягких кочек, Игнатка лежал вверх носом и смотрел испуганными глазами. Только мой голос способен был вызвать его из этой немой созерцательности. Сложив все доказательства воедино, мы наконец привели его в чувство, но убеждение в том, что мы были обойдены лучшим, он дал себе клятвенное обещание сохранить «по конец гроба жизни» и отправился вытаскивать лошадей из тины.

Между тем огни запылали снова; я подошел к одному из костров и вынул из кармана часы; стрелка показывала три. После часов глазам моим предстали три огромные фуры, такой емкости и величины, что каждая из них способна была поглотить самую многочисленную семью правоверного Кутуфты.

Одна из этих громад была на рессорах, длиннее прочих и по множеству круглых окошек, прорезанных в обоих боках кузова, являла собою собачью колесницу. Кроме этих великанов экипажной породы, под сенью их стояли дрожки и другие крытые экипажи и, сверх того, смиренные русские телеги, вокруг которых, пятками и десятками, стояло около шестидесяти лошадей.

Обрамленная с обеих сторон двумя отрогами леса площадка вдавалась мысом в непроницаемую кущу ельника, под сенью которого белели две палатки, а подле них несколько шалашей, наскоро устроенных из ветвей соломы, попон и войлоков.

Одно из пепелищ было обставлено треножниками, кастрюлями, котликами, ящиками, самоварами и прочими кухмистерскими принадлежностями; кроме того, в разных местах было постлано множество соломы, на которой покоились борзые, или туго свернувшись крендельком или на всем боку, нежно потягиваясь и выпрямляя усталые ноги.

Я раскурил сигару и занялся рассматриванием подробностей этой картины. Псари и конюхи пробуждались поочередно и, выползая то из среды борзых, то из чащи, немедленно приступали к исполнению должностей, лошади начали потихоньку ржать и постукивать копытами, храбро поглядывая на приступивших с торбами к одной из фур для насыпки овса; то вдруг которая-нибудь из собак вскакивала, садилась на четвереньки, горбилась, зевала, вытягивала шею, и потом, сделав несколько вольтов на месте, ложилась снова и свертывалась клубок: эта перекладка на другой бок сопровождалась неизбежным рычаньем одной или обеих соседок; иные из них были так неуживчивы, что вскакивали сами с явным намерением к драке: затевалось общее ворчанье, в таком случае немедленно присоединялся к ним голос которого-нибудь из псарей: «Но-о! А-си-на! В свал-ку!», и спокойствие водворялось. Но вот в палатке раздалось одно из многозначительных покрякиваний, за ним потянулось мягкое, эластическое: «Эй» – и два псаря побежали к крайнему шалашу: «Артамон Никитич! Артамон Никитич! Граф проснулся!» В ответ на это раздалось громкое и быстрое: «Сейчас!» – и высокий, стройный малый выскочил из шалаша в одном жилете. Он тотчас напялил на себя темный казакин и, не мешкая, отправился к ящикам: вынул серебряный судок с пустым стаканом, под левую мышку захватил графин с водой, а в правую руку взял бутылку с фонарем.

Навстречу к нему из палатки вышла красивая борзая собака, потянулась сначала назад, потом наперед, потом уперлась на все четыре лапы, мощно встряхнулась, загремела ошейником и замаячила хвостом, приветствуя Артамона Никитича.

Отправясь вслед за графином и бутылкой, я услышал вначале явственные признаки полоскания графского рта, потом полоскание стакана и всплеск воды на траву, потом, когда вслед за этим всплеском стакан снова начал наполняться жидкостью, уже не из графина, а из бутылки, я успел раза два погладить мягкие и красивые завитки серого Чауса.

– Кажется, ночью был дождик? – спросил Атукаев своего камердинера после трех звучных глотков.

Я тотчас смекнул, что человек, имевший удовольствие размахивать себя в продолжение пяти часов, имеет полное право доносить о дождях, слякотях и прочих выскочках природы, а потому, не желая вводить в грех полусонного камердинера, входя в палатку, сказал:

– Был, и очень порядочный.

В ответ на это донесение меня встретили неизбежные: «Ба, ба, ба!» – и следующие за тем приветствия, что я свалился с неба.

– Просто-напросто твои выжлятники вытащили меня из какой-то трясины, – сказал я, усаживаясь на графскую постель, состоявшую из полукопны сена, застланной ковром.

После этого пошло в ход подробное описание моего путешествия, взамен которого, по примеру всех романистов, следовало бы заняться описанием графской особы, но мы, надеюсь, успеем ознакомиться с ним и без этих предисловий.

– И прекрасно! – сказал Атукаев, выслушав до конца мое повествование. – Это тебе в наказание за прежние отказы потешиться вместе с нами. Ну, теперь как же ты хочешь поступить насчет дальнейшего странствования?

– Это будет зависеть от тех удобств, какие представит мне мой экипаж при появлении своем из болота.

– А по-моему, так эту статью придется повести иначе.

– Как же?

– А вот как это мы устроим. Во-первых, ты, как приبلудная овца, волею-неволею прилепляешься к нашему стаду, и я, как пастырь, беру тебя под свою опеку. Второе и главное есть то, что у меня вчера был передох (дневка), и вечером подвыли пять голосов в котловине да два отозвались в Асоргинских; поэтому мы нынче обедаем в Клинском, а вечернее поле берем в Глебкове; оттуда, как тебе известно, останется до дома всего-то восемь верст: следовательно, Игнатка твой откормит здесь лошадей и увезет на паре изломанную тележку домой; третья уйдет вместе с кухней и моими заводными в Клинское, а завтра возница твой, с новой таратайкой, явится к нам в Глебково. Гут?

– Да еще какой гут! Просто на славу.

– Ну, и чудесно! Значит, ты теперь в моем распоряжении?

– В полном. Одним словом, я одна из самых послушных овец твоих, и попечительство начнется тем, что ты велишь тотчас подать мне стакан самого горячего чаю. Потому что я продрог до костей.

– Ну, и прекрасно! Эй! Чаю!

В это время я отвернулся к стоявшему в углу фонарику, чтоб раскурить сигару, и вдруг почувствовал, как две ладони закрыли мне глаза, и звонкий тенор произнес над ухом:

– Узнал?

– Узнал, – отвечал я наугад, желая скорей освободиться; но этим не кончилось: я должен был выдержать полный курс обниманий, прижиманий и лобзаний, и только по окончании этой давки мог явственно отличить высокую фигуру Луки Лукича Бацова от дубленого полушубка, облекавшего оную.

– Каков! Прискакал! Слышал, братец, слышал все, как ты там в болоте... Ну, да это пустяки! Вообрази, мы почти год, как не видались. Ну, да это пустяки! А вот что вчера подвыли семерых; а главное, вообрази, Карай-то мой, Карай! Третьего дня – лису матерую, то есть, можешь ты себе представить, с первой угонки, как вложился – джи!..

Лука Лукич не окончил еще начатого рукою жеста, выражавшего, по его мнению, ловкость и удалство Карая, как из соседней палатки послышался хорошо знакомый мне голос г. Стерлядкина.

– Врет, все врет! Не верьте ему...

– Так и поволок, – продолжал Бацов. – Ну, что он там орет спросонков, эта щучья пасть! Не верь ему, братец!.. Он что ни скажет – все пустяки. Здравствуй, граф! А где же Хлюстиков?

– Эй! Подать сюда Петрунчика! – сказал граф людям. – Да он вчера так нахлестался, что, я думаю, и теперь еще не пришел в память.

– Ничего! – кричал Стерлядкин из своей палатки. – Это ему не в первый раз, да и не в последний. Здравствуй, граф! Каково спалось под дождиком?

– Хорошо. А у нас вчера что-то долго шла потеха. Ну, что: на чем решили?

– Известное дело, на чем. Карая нынче придется по хвосту.

– Слышишь, Лука? – сказал граф, обратясь к Бацову. – И ты в силах будешь перенести этот удар? А с кем идет?

– С Азарным! – кричал Стерлядкин. – На первого подозренного; прибылые не в счет; да еще добро бы до первой угонки, а то прямо на завладай.

– Ого! Ну, что ты, брат Лука? Уж, видно, напрямик с ума спятил! Воля твоя, у меня вчуже сердце замирает. Добро бы еще на дюжину шампанского, а то, посуди сам, ведь это срам на всю жизнь.

Бацов молча покручивал усы; заметно было, что он начинал труситься. «Пустяки», – сказал он, но уже не так громко и отчетливо.

– У тебя все пустяки! А рассуди-ка сам: Карай твой, слова нет, собака добрая, во всех ладах, да молода; притом же, ты сам знаешь: псовая, пылкая, следовательно, накоротке; сверх того, коли не осердишься, я скажу правду: он, брат, у тебя больно подуздоват {нижняя челюсть короче верхней}! А коли ты охотник с толком, так знай, что подуздоватая собака всегда непонимиста. Куда ж ты заехал? Добро бы на садочного; да еще до угонки; а то давай нам подозренного, да материка! Эх куда хватил! С Азарным – шутка! Нет, брат, я Азарного знаю...

Граф не кончил и начал вслушиваться. За палаткою шла страшная возня:

– Слышь, прочь, прибью! Подлец буду – прочь! Зарежу!..

Я выглянул из палатки.

В шалаше, из которого недавно появился камердинер, лежал маленький человек в заячьем полукафтани и размахивал ногами, отбиваясь от двух псарей, которые старались завладеть им. По голосу и складу бранчивой и отрывистой речи я тотчас узнал в нем Петра Сергеевича Хлюстикова.

– Тащи, тащи его! – кричал голос из палатки.

– Слышите, Петр Сергеевич? Граф кличет. Пойдемте! – говорил псарь.

– Пошел, дурак! Ты видишь: я сплю.

– Нельзя: приказано будить.

– У-у! Нельзя, нельзя, скотина! Прочь убирайся!

– Бери, тащи его! – раздался голос Бацова.

– Петр Сергеевич, Лука Лукич зовет...

– Лу-ка! Лу-кич! Скажи ему, что он такой же скот, как и ты!.. А Карай – просто шалава...

В палатке раздался общий смех.

– Тащи, тащи его! – кричал Стерлядкин, выходя из своей палатки в колпаке и беличьем халате.

– Еще один! А-а-ай! Не буду. Голубчики, пустите!.. Иду, право, иду! – кричал Хлюстиков, барахтаясь на руках у псарей.

В палатку подали чай.

Хлюстиков явился вслед за самоваром.

Украшенное тройным комплектом веснушек, лицо его было до крайности мало и в минуту выражало на себе тысячу различных оттенков. Темно-каштановые курчавые волосы, наперекор всем прическам, постоянно убегали вверх, вообще же, сочетание всех мелких частиц этого лица носило выражение, порождавшее в каждом невольный смех. На взгляд Хлюстикову было лет около пятидесяти.

Он подобострастно подошел к постели Атукаева, который погладил его по голове и потрепал по щеке.

– Вот, Петрунчик, умница! Встал раненько, а теперь пойдет умоется, причешет головку и явится в нам молодец-молодцом.

– И подадут ему стакан чаю, – прибавил Бацов, ударяя на слово «чай».

– Чаю... Дурак! Я не гусь... Эй, ча-ла-эк! Отставному губернскому секретарю, чуть-чуть не кавалеру, Петру Сергееву, сыну Хлюстикову – трубку, водки и селедки. Но-о! – Эти слова были произнесены подобающим тоном.

В минуту было подано то и другое.

Взявши в одну руку коротенькую трубочку, а в другую – налитую рюмку, Хлюстиков значительно подмигнул глазком, крикнул, плюнул, показал язык Бацову и мигом опорожнил рюмку, но в то же мгновение глаза его выпучились, лицо сморщилось, он вздрогнул и сердито швырнул рюмку человеку под ноги.

Разразился общий смех.

– Пад-ле-цу-ксу-су-су... – шипел Хлюстиков, харкая и отплевываясь.

Наконец он жадно приступил к куренью. После трех сладостных затяжек перед носом Хлюстикова взлетел огненный фонтан от вспыхнувшего пороха, положенного на дно трубки, и Хлюстиков опрокинулся на графскую постель. Наконец он вскочил и с бранью убежал в шалаш.

Допив второй стакан чаю, я вышел из палатки.

Игнатка мой крепко спал, растянувшись перед пылавшим костром. Испачканные в грязи и тине лошади исправно ели овес, опустя головы в изломанную тележку, которая казалась вовсе не годною к употреблению. Вокруг меня все было в движении: псари оседлывали лошадей; кучера впрягали других в брички и колесницу; повара укладывали кастрюли в ящики; выжлятники смыкали гончих; стремянный, с двумя борзятниками, подлавливал графских сворных и пихал в колесницу. Между охотниками шли непрерывные перебранки и пересмешки; собаки выли, прыгали, вытягивались и махали хвостами, ласкаясь к своим хозяевам.

– Глядь-ка, глядь, Кирюха! Савелий Трофимыч знает-таки учливість, – сказал борзятник Егорка своему соседу.

Все обратились к колеснице.

Там, перед графским стремянным, стоял старичок-охотник, лет шестидесяти, без шапки, и низко кланялся; на руках у него лежала тощая борзая собачонка.

– Эх, Трофимыч, твою бы Красотку, замесь коляски, хоть и повыше куда вздыбить, так в ту ж пору.

Охотники засмеялись.

– И что вы, батюшка Ларивон Петрович! Собака – мысли; перед богом, не лгу. Не перебрамшись, слабосилок, в разлинке. А да-ка нам... Намедни, как по матером-то, она с графской Заигрой, постреленок, ухо в ухо! Перед богом, не лгу... ажно седло подо мной затрепыхало... Поди, матушка, подь туды, подь!.. – продолжал старик, сдавая свою любимицу стремянному на руки.

Собака мигом очутилась в рыдване и, глядя в окошко на удалявшегося Трофимыча, жалобно взывала.

– Ишь, она к почету-то не привыкла, – сказал Егорка.

– Не замай, граф увидит! Она в те поры за сук уцепится, – отвечал Кирюха, затягивая подпругу.

Я еще раз взглянул на спавшего Игнатку, и мне стало жаль будить его. С правой стороны сквозь чашу просвечивала заря. Я пошел снова к палатке: там был слышен голос Бацова; граф был уже одет; Хлюстиков по-прежнему сидел на постели, подбоченясь, и, прищуря глаз, насмешливо поглядывал на Бацова.

– Это пустяки, – продолжал Бацов. – После этого ты станешь уверять меня, что я не человек.

– Конечно, разве ты человек! Ты – Бацов. Граф, голубчик, прикажи дать рюмочку!

– Петрунчик, ты душка! Кажется, намерен с утра сделаться никуда не годным, – сказал Атукаев, щипля его за щеку. – Этим ты меня очень огорчишь.

– Голубчик, ваше сиятельство! Одну только, право, одну! Я ведь по одной пью...

– Ну, нечего делать. Дай ему мадеры!

– Только побелей, этой, знаешь, великороссийской, из-под Орла... Кхе! – Тут Хлюстиков щелкнул языком, заболтал ногой и выразил многозначительную мину.

– А знаешь ли, за что его из суда выгнали? – спросил Бацов, обратясь ко мне.

– Умны были, догадались... Эх, Бацочка моя, ты и того не смыслишь! Расталке муа... Кхе!

Хлюстиков мигом опорожнил рюмку.

Люди начали снимать палатку.

Отдав наскоро кое-какие поручения своему кучеру, я поспешил к обществу.

Шестьдесят гончих стояли в тесном кружке, под надзором четырех выжлятников и ловчего, одетых в красные куртки и синие шаровары с лампасами. У ловчего, для отличия, куртка и шапка были обшиты позументом. Борзятники были одеты тоже однообразно, в верблюжьи полукафтаны, с черною нашивкою на воротниках, обшлагах и карманах. Рога висели у каждого на пунцовой гарусной тесьме с кистями. Все они были окружены своими собаками и держали за поводья бодрых и красивых лошадей серой масти.

Нам подвели оседланных лошадей; людям начали подносить вино.

– Ну, смотри у меня! – начал граф, обратясь к охотникам. – На лазу {место, откуда ожидают зверя} стой, глаз не раскидывай; проудил {протравил, не поймал} – не твоя беда, прозевал – ремешком поплатишься. Чуть заприметил, что красный зверь пошел на тебя, не зарься, дай поле. Поперечь, а то в щипец {пасть} нажидай... особенно лису: заопушничала подле тебя без помычки, на глади – стой, не дохни; а место есть на пролаз, тотчас рог ловчему посылай. Ты, Кондрашка, смотри, берегись: я видел сам прошлый раз, как ты бацовскую лису, без голоса, втравил в отъемную вершину... А главное, на драку {на подмогу} без толку не подавать. У всех вас есть эта замашка; глядишь, чуть щелкнула которая, или там увидал полено {волчий хвост} али трубу {лисий хвост}, и пошел клич кликать – и все, дурачье, сыплют к нему, а ловчий хоть умирай на рогу: «У нас, дескать, своя забота!» Вот я за вами сам начну присматривать! Садись!

Люди начали садиться на лошадей: собаки радостно взвыли и заметались вокруг охотников.

Ловчий {правлящий стаею гончих собак} со стаею тронулся вперед; за ним поплелась длинная фура с борзыми; доезжачие {охотник с борзыми} разравнялись по три в ряд. Раздался свисток. Егорка поправил на себе шапку, потрянул головой, откашлянул и залился звонким переливистым тенором:

Эх, не одна в поле дороженька...

Еще свисток – и двадцать стройных, спетых голосов грянули разом:

Пролегалала...

Вскоре и эхо в лесу крикнуло нам вслед:

Эх, зарастала...

Русское солнышко засветило нам с левой руки.

Отойдя с версту, мы увидели в стороне маленькую деревушку. Граф приказал охотникам идти до места, а мы повернули направо, и, в сопровождении стремянных, поехали рысью по узкой проселочной дорожке. У крайней избы стояли пять оседланных разномастных лошадей; возле них бродило около дюжины борзых и два человека в нагольных полушубках, туго подпоясанных ремнями.

– Вот и наши мелкотравчатые, – сказал Атукаев, слезая с лошади.

Навстречу к нам выбежал из избы низенький, плотный, с крошечными усиками и распухлыми щеками, нестарый человечек в сереньком казинетовом сюртучке и начал раскланиваться на все стороны.

– Что, ваше сиятельство, заждались? А мы было тотчас только что... – лепетал он, пожимая с низкими поклонами руку Атукаева.

– Вот, прошу познакомиться: наш помещик Трутнев, – сказал Атукаев, обратясь ко мне.

– Очень приятно-с! Честь имею рекомендоваться, – лебезил Трутнев, шаркая ногами.

– Я, кажется, уже имел удовольствие вас встречать?

– Ах, да, виноват, у Трещеткиных... они, признаться сказать, немножко мне сродни... Здравствуйте, почтеннейший Петр Сергеич, мое вам почтение, Лука Лукич! Степану Петровичу!..

Трутнев остался на крылечке с Стерлядкиным; мы вошли в просторную крестьянскую избу: два окна на улицу и одно на двор, печка, полати, и кругом лавки; в красном углу стоял длинный стол; одна половина его была густо исчерчена мелом и завалена картами, на другом конце красовался графин с водкой, а подле него – солонка, кусочек черного хлеба и полуизгрызанный кренделек. Тут же, опершись локтем о конец стола и задумчиво опустя лысую голову, сидел осанистый мужчина в телячьем яргаке; он держал между пальцев на весу погасшую трубку и, не обращая ни на что внимания, рассуждал сам с собою:

– Мо-шен-ник ты... валет семь с пол-тиной... па-роль проиграл! Са-а-вра-сого взять – нет, врешь, Во-лодь-ка! – бормотал сидящий.

Явился человек, потер полою стол и убрал карты; потом протянул руку к графину.

– Ст-ой, дур-рак! Ку-да? – завопил рассуждавший. Он медленно поднял голову и уставил на нас глаза.

– Граб-бители! – произнес он, опускаясь снова, и уронил трубку на пол.

– Этот теперь ни на что не годен, – сказал Бацов.

Вбежал Трутнев и начал торопливо будить протянутого вдоль лавки мужчину в синем пальто, с густыми бакенбардами.

– Степа, а Степа, вставай! Граф приехал!

Степа отбивался локтем и бормотал:

– От-стань, не хочу!.. Ну, пошел!..

– Эж ты их усахарил! – сказал Бацов Трутневу.

– Степа... граф! – крикнул Трутнев над самым ухом.

Степа обернулся, оттенил глаза рукою, всмотрелся и вскочил как встрепанный.

В это время Хлюстиков овладел графином, налил рюмку и запел «Чарочка моя» и проч.

– Ах, m-g le comte! Mille pardons! Извините, право, извините! – болтали Бакенбарды и кинулись будить лысину.

– Петр Иванович! Что ж ты? Мы все...

– Граб-ит-ел-и... у-к!..

Петр Иванович еще икнул и замотал головой.

– Ну, не замай его – травит тут, – сказал Бацов. Мы вышли.

Полями, буграми, лощинами, перелесками, то тротом, то шагом проехали мы верст десять и наконец, спускаясь на луговину, услышали стройный хор песенников. Завидя нас, они перестали петь и начали поить у ручья лошадей и выпускать борзых из фуры. Освобождаясь от заточения, собаки радостно зывали, прыгали, потягивались и ласкались к лошадям и охотникам. Некоторые из них стрелой помчались к нам и с радостным визгом начали прыгать на седла к своим господам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.